

Образ понимания в герменевтике Х.-Г. Гадамера и диалогизме М.М. Бахтина

Научный руководитель – Маслин Михаил Александрович

Маковцев Владимир Станиславович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории русской философии, Москва, Россия

E-mail: vl.makovtsev@gmail.com

Целью философской герменевтики является понимание, и не только как событие, мелькающее на горизонте, но и как проблема. Герменевтика как метод менее всего научен, поэтому понимание это всегда искусство понимания. Последнее позволяет говорить об игровом характере события понимания со всей серьезностью любой игры, цель которой тождественна самому событию. Понимание таким образом разворачивается в каждый момент разворачивания ценностно смыслового горизонта текста, понимаемого в самом широком смысле. Этим текстом может быть и сам человек, образ Другого, культура как целое и т. д.

Игра понимания в философской герменевтике подчинена правилам, центральным из которых является так называемый герменевтический круг. Методология последнего заключается в том, что текст, выступающий для нас предметом понимания как целое, мы понимаем исходя из частей, а части - в контексте этого целого. При этом принципиальным моментом является невозможность окончательно прийти к результату понимания, - понимание таким образом это не результат взаимодействия с предметом, как, скажем, знание, являющимся моделью действительности, но сам процесс взаимодействия с ним, процесс принципиально динамичный, устремленный в бесконечность. В этой связи, понимание, каким оно представлено в философской герменевтике, (а здесь мы прежде всего будем опираться на работы немецкого философа Г.-Г. Гадамера) сближается с образом понимания диалога в понимании философии диалогизма (здесь же ключевой фигурой для нас выступает русский философ М. М. Бахтин). Сближение Бахтина и Гадамера не является чем-то произвольным. Так в диссертации, посвященной герменевтике Бахтина, Чистилина И. справедливо отмечает, что сближает их несколько тем: «проблема языка, диалогичность понимания, проблема Другого, историзм, онтология красоты».

Нет возможности анализировать две концепции в их полноте и взаимодействии, - это скорее задача диссертационного исследования, чем текста статьи. Тем не менее в общих чертах представляется возможным посмотреть на возможные точки пересечения двух гуманитарных установок, безусловно, повлиявшие на облик философии прошлого века, и до сих пор имеющие определенную актуальность в гуманитарном пространстве. Прежде всего, такой точкой пересечения для нас выступает понимание, являющимся центром как и искусства понимания, на который собственно нацелена философская герменевтика, так и центром диалога, - стоит ли говорить, что без понимания, любой диалог просто обесмысливается.

Несмотря на то, что понимание в герменевтике это результат взаимодействия с текстом, мы вправе говорить так же о нем как о результате взаимодействия между людьми. Понимание - это субъект-субъектное взаимодействие, что позволяет вести его в общий философско-антропологический контекст. Это позволяет критически относиться выражению, в которых понимание направлено на неодушевленные предметы, или, скажем, прямо, предметы, лишённые в себе личностного, персоналистского содержания. Даже не любой другой может быть вписан в пространство понимания, содержание которого многогранно,

динамично и свободно, что и позволяет говорить об определенной игре понимания. Понимание таким образом это событие, с определенным ценностно-смысловым содержанием, раскрываемым в объективации человеческого духа.

Диалог так же оказывается замкнут на самом себе, при этом эта замкнутость не является чем-то ограничивающей диалог, напротив, это скорее является отражением определенной автономии диалога, цель которого в нем самом. Предмет диалога, формально являющимся его центром, в действительности не существенен. Как отмечал М. М. Бахтин, диалог не сводим «к отношениям логическим и предметно-смысловым, которые сами по себе лишены диалогического момента». Им еще предстоит «облечься в слово, стать выраженным в слове позициями разных субъектов» [1, с. 205], что в свою очередь является основанием для возможности понимания, разворачивающегося внутри субъект-субъектного отношения.

Диалог по мысли Бахтина возможен «не только относительно целыми (относительно) высказываниями, но [...] и к любой значащей части высказывания, даже к отдельному слову», тем самым Бахтин почти полностью воспроизводит принцип герменевтического круга. Конечно, одно это еще не может являться основанием для того, чтобы мы могли говорить об «герменевтики М. М. Бахтина» как особой методологической установки, - герменевтика и филоосфская герменевтика в частности не находят своего отражения в словаре М. М. Бахтина, но приведенной цитаты выше из книги о Достоевском вполне достаточно для возможности сконструировать такое понимание. Мы говорим о герменевтики Бахтина, понимая всю условность вкладываемого в нее содержания, которой проясняется при этом через философскую герменевтику, и прежде всего Г.-Г. Гадамера. При этом, если под герменевтикой понимать «искусство толкование текстов», которой она является в прямом своем значении, то вне всякого сомнения автор книг о Достоевском и Рабле оказываемся вписанным в герменевтическую традицию.

Наличие герменевтического круга также отмечает один из современных отечественных исследователей, а именно применительно к теории литературных жанров, говоря, что «"сущность" жанра содержит в себе смыслообразующие начала каждой "части", а каждая часть" содержит в себе эту "сущность". М.М. Бахтин имел в виду именно это, когда писал о том, что «конструктивное значение каждого элемента может быть понято лишь в связи с" сознанием целого». Все аспекты этого целого находятся в корреляционных отношениях и связях, выполняя свойственные им функции «оформляющего завершения действительности и жизни» в процессе смыслообразования произведения как нового эстетического предмета. Сам процесс понимания М.М. Бахтин рассматривал как расширение "культурных горизонтов"» [3, с. 15]. Однако, исследователь едва ли не размывает границы между пониманием и смысла, делая их неразличимы в процессе конструирования текста. Кроме того, несмотря на сближение автором Бахтина с ключевыми именами философской герменевтики в том числе с Г.-Г. Гадамером, автор не концептуализирует понимание в философии Бахтина, что в известном смысле и не входит в задачу исследователя, но сильно обедняет его результаты.

Диалогические отношения это не только отношения между субъектами. Бахтин прямо подчеркивает это, говоря возможности таких отношений между «языковыми стилями, социальными диалектами и т. п., если только они воспринимаются как некие смысловые позиции, как своего рода языковые мировоззрения» [1, с. 206-207], они возможны везде, где имеется место осмысленности явления «если только эти явления выражены в каком-нибудь знаковом материале» [там же, с. 207]. Здесь Бахтин почти вплотную подходит к тому, чтобы сказать о диалогичности внутри пространства текста, понимаемое в самом широком смысле слова, таким, каким его понимает философская герменевтика. Гадамер утверждал, говоря о понимании, что его «чудо заключается не в том, что души таинствен-

но сообщаются между собой, а в том, что они причастны к общему для них смыслу» [2, с. 74]. Таким образом, говоря о понимании внутри философской герменевтики мы так же сталкиваемся с интенциями антропологической герменевтикой, философия диалогизма к которой безусловно имеет прямое отношение.

Источники и литература

- 1) Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2002. – 799 с.
- 2) Гадамер Г.-Г. О круге понимания. // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. – 367 с.
- 3) Головки В. М. Актуализация герменевтического подхода в философии литературного жанра М. М. Бахтина // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. С. 15